

**«РУССКО-БОЛГАРСКИЙ СЛОВАРЬ КВАЗИСИМВОЛОВ»
КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

В. И. АБРАМОВА

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0003-3684-9658>
istinjobraz@mail.ru

Ю. В. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0003-0998-7772>
archangelju@yandex.ru

Г. В. ТОКАРЕВ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(Тула, Россия)
<https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>
grig72@mail.ru

«Русско-болгарский словарь квазисимволов» вышел в свет в 2021 году. Он был создан специалистами из России и Болгарии и представляет собой первое издание подобного рода. В словаре 416 единиц, входящих в различные лингвокультурные коды и представленных в трех основных разделах: 1) квазисимволы, которые имеются в обеих лингвокультурах; 2) русские квазисимволы, не имеющие болгарских аналогов; 3) болгарские языковые символы, не имеющие соответствий в русской картине мира. Словарь в целом проясняет универсальное и национально-специфичное в символике двух славянских культур.

Ключевые слова: квазисимвол, лингвокультурология, языковая картина мира, символическое значение, русская лингвокультура, болгарская лингвокультура

**«RUSSIAN-BULGARIAN DICTIONARY OF QUASI-SYMBOLS»
AS A SOURCE OF LINGUOCULTUROLOGICAL INFORMATION**

V. I. ABRAMOVA

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

YU. V. ARKHANGELSKAYA

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

G. V. TOKAREV

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)

The “Russian-Bulgarian dictionary of quasi-symbols” was issued in 2021. The dictionary was created by the scientists from Russia and Bulgaria and represents the first publication of this kind. The dictionary contains 416 units included in different linguocultural codes and presented in the three main parts: 1) quasi-symbols that are presented in both linguocultures; 2) Russian quasi-symbols with no Bulgarian equivalents; 3) Bulgarian lingual symbols with no equivalents in the Russian view of the world. The dictionary clarifies in whole the universal and the nationally specific in the symbolism of the two Slavic cultures.

Keywords: quasi-symbol, linguoculturology, lingual view of the world, symbolic meaning, Russian linguoculture, Bulgarian linguoculture

В 2021 году вышел в свет «Русско-болгарский словарь квазисимволов», что стало заметным явлением, отражающим, как нам представляется, определенный этап в развитии лингвокультурологии как науки. Создавал словарь творческий коллектив ученых из России и Болгарии. Россия была представлена специалистами из Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого: В.И. Абрамовой, Ю.В. Архангельской, Н.А. Красовской, Д.А. Романовым, Г.В. Токаревым. Болгарскими соавторами выступили лингвисты Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского: К.Р. Гарева, Е.Д. Миланова, М.К. Росенова, И.Д. Стоев, Б.Т. Тенчева, Ю.И. Чакрырова, Н.П. Чернева, Б.Г. Янев. Проект был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008 от 09.08.2019). Руководителем проекта и ответственным редактором словаря был доктор филологических наук профессор Г.В. Токарев.

В определении квазисимвола авторы словаря опирались на концепции В.Н. Телии (которая и ввела в научный дискурс понятие «квазисимвола») и Н.Д. Арутюновой. В.Н. Телия отличала квазисимвол как языковой символ от собственно символа. Подчеркивая данную оппозицию, она отмечала, что «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на сущность символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» (Телия 1996: 243). Вслед за Н.Д. Арутюновой составители словаря опирались на представление о том, что языковой символ (квазисимвол) обладает императивной прагматикой. Сопоставляя образ, метафору, символ и знак в статье «Метафора и дискурс», исследователь утверждала: «...образ психологичен, метафора семантична, символика императивна, знак коммуникативен» (Арутюнова 1990: 26). В другой своей работе — «Язык и мир человека» — Н.Д. Арутюнова писала об этом более подробно: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» (Арутюнова 1999: 338).

В качестве рабочего определения квазисимвола авторы словарных статей использовали сформулированную руководителем проекта Г.В. Токаревым следующую дефиницию: «...квазисимвол — вид лингвокультурных единиц, являющийся результатом вторичной семиотизации и обозначающий какую-либо идею; элемент

материальной культуры, имеющий вербальную природу, характеризующийся абстрактной семантикой, образностью, калейдоскопичностью, ситуативной ориентированностью значения и прагматической императивностью» (Токарев 2021: 5).

Главным основанием для определения квазисимвола является языковая интуиция исследователя, а также опора на фоновые знания и культурный опыт. Семантика языкового символа формируется на основе ассоциативных связей слова и его коннотаций, которые объективируются в виде описания типичных ситуаций, правил, норм и т.п.

Так, поговорка *первый блин комом* включает в свой состав квазисимвол *первый блин*. Образное основание данной единицы указывает на сценарий выпекания блинов, а именно прилипание первого блина к сковородке, невозможность снять блин со сковороды без изменения его формы. Данная картинка порождает семантику лингвокультурной единицы: начало любого дела не приносит желаемого результата, первая попытка неудачна, — которая в прагматическом аспекте выражается в виде посылы: будь готов к тому, что начало дела связано с неудачей.

В пословице: *кнут не мука, а вперёд наука* — квазисимвол *кнут* указывает на физическое наказание за ошибки, проступки и т.п. Картинка, отражающая сценарий наказания, порождает значение: физическое воздействие на кого-либо, которая реализуется в императиве: ожидай неодобрения чьего-либо действия или бездействия в виде физического наказания.

Для составления словаря квазисимволов необходимо было определиться с источниками извлечения данных единиц из текстов лингвокультуры, каковыми стали аспектные словари (в первую очередь, словарь В.И. Даля) и прецедентные тексты, в том числе фразеологические единицы и поговорки.

Выделение квазисимвола из состава поговорки или фразеологической единицы включает следующие этапы:

- 1) предположение, что данный компонент имеет символическое значение;
- 2) определение семантики квазисимвола путём реконструкции его образного основания. На данном этапе осуществляется процедура буквального прочтения образа, его распаковка в виде разворачивания в виде сценария;
- 3) соотнесение полученной реконструкции с типичными ситуациями. Эта операция связана с типизацией реконструируемого сценария, его абстрагированием до выделения прототипической схемы. Так, в приведённых примерах сцена выпекания блинов обобщается до сценария выполнения любого дела; физическое наказание кнутом — до физического наказания вообще;
- 4) определение акциональной составляющей семантики символа. Этот этап связан с определением, к каким действиям побуждает символ. Императивность символа целесообразно формулировать с опорой на прагматические операторы: учти, будь готов к тому, ожидай и т.п.;
- 5) верификация полученных выводов путём моделирования лингвокультурных ситуаций, в которых используется квазисимвол. Лингвокультурная ситуация является разновидностью прагматической ситуации, в которой

отражён прототипический сценарий поведения участников коммуникации, их цели, намерения при использовании различных знаковых средств, а также реакции на данные процессы в культурном контексте, предполагающем отсылку к ценностям лингвокультуры. Исследователь на данном этапе осуществляет приём подстановки квазисимвола к конкретной ситуации, происходит стыковка выделенного значения с значением ситуации.

Выделенный квазисимвол должен отвечать критерию прецедентности, то есть иметь понятное для представителя лингвокультуры значение и употребление.

Квазисимволы, наряду с другими единицами лингвокультуры, являются узлами, основными координатами лингвокультуры. Культурная семантика квазисимвола заключается в образном основании. Из всего многообразия культурных практик языковое сознание отбирает те картинки, которые являются для него наиболее значимыми: *базар, баня, квас, каша* и др. Культурно значимой является интерпретация образного основания с опорой на нормы, установки, стереотипы, правила.

«Русско-болгарский словарь квазисимволов» включает 416 единиц, входящих в антропоморфный, анимический, акциональный, биоморфный, фетишный, пищевой, пространственный, временной, цветовой, религиозный, числовой и другие лингвокультурные коды. Квазисимволы расположены в порядке, соответствующем русскому алфавиту. Большинство единиц (324) имеют символические значения как в русской, так и в болгарской лингвокультурах. 89 из зафиксированных русских языковых символов не имеют аналогов в болгарском языке; 3 из зафиксированных болгарских — в русском.

Словарная статья имеет следующую структуру: 1) сигнификативный компонент значения (перечисление существенных признаков), которое начинается со слова «Символизирует...»; 2) императивный компонент, который вводится с опорой на операторы: *будь готов, учти, следуй* и др.; 3) стилистическая характеристика (эмотивность, оценочность, интенсивность — при необходимости, если имеется); 4) актуальная характеристика (если требуется — например, устаревшее, устаревающее и др.); 5) ограничения по сфере распространения (если имеются); 6) краткая лингвокультурологическая характеристика (фоновые знания), при этом акцент делается на толковании вербальной мотивирующей базы символа (например, разъясняются значения слов в раздельнооформленном квазисимволе, если их понимание затруднено), на причинах символизации значения; 7) иллюстрации, в качестве которых используются примеры его реализации в составе фразеологических единиц, паремий, текстов или их фрагментов; 8) прагматическая характеристика, указывающая на очевидные интенции употребления данного квазисимвола (Токарев 2021: 5–6).

В первой части словаря параллельно приводятся квазисимволы, которые имеются в обеих лингвокультурах: слева на странице — толкование русской единицы, справа — болгарской. Таких вербальных символов большинство. Вторая часть содержит описание русских квазисимволов, не имеющих болгарских аналогов. В третьем разделе толкуются болгарские квазисимволы, не имеющие русских аналогов.

Приведем примеры толкования квазисимволов, использующихся в обеих культурах: русской и болгарской.

В русской лингвокультуре *костер* символизирует жертву во имя идеи, дела жизни, истины: «Будь готов к жертве. Формирование символического значения основано на ассоциации костра с жертвой во имя идеи. Одного лишь он не мог бы отдать — счастья, пожертвовав ради революции всем, чем дорожит человек на земле, взойдя ради неё на костёр, он был бы счастлив [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», 1989, НКРЯ]. Употребляется для констатации положения дел» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 110).

То же самое символизирует *клада* (*костер*) в болгарской вербальной культуре. Соответственно, в болгарской части словаря читаем: «Символизира жертва. Знай, че някой е бил принесен в жертва, бил е подложен несправедливо на наказание или е претърпял несправедливост. Замислиха ли се сценаристите на този най-долнопробен компромат, че влязоха в ролята на инквизитори, които изпращат на кладата на общественото мнение една невинна жена? [Валентина Попова. На кладата на политическия цинизъм // Тоест, 14.09.2019]. Формирането на символното значение е свързано с функцията на кладата като място за ритуално жертвено изгаряне. Използва се за описание на ситуация» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 110).

Некоторые квазисимволы в обеих лингвокультурах выражаются фразеологизмами. Например, устойчивая единица *полная чаша*, которая зафиксирована еще в словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь...» (Михельсон 1902–1903: 491), в русской языковой картине мира символизирует достаток. Императивный компонент формулируется в словаре следующим образом: «Знай, что некто живёт в достатке». Формирование символического значения основано на ассоциативной связи полной чаши, элемента посуды крестьянской семьи, с представлениями о достатке (Дом как полная чаша). Употребляется для констатации положения дел, для оценки (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 239).

Аналогичное символическое значение имеет болгарский фразеологизм *пълна чаша*: «Символизира изобилие. Знай, че някой живее богато. Очаквай излишество отнещо. Сърце прелива, като пълна чаша [Пенчо Славейков. Ралица (1903)]. <...> Формирането на символното значение се основава на асоциативната връзка между пълната чаша, элемент от посудата на селския живот, и представата за изобилие. Употребява се за констатация на състоянието на нещата, за оценка» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 239).

Такое полное совпадение значений квазисимвола не случайно, поскольку оно демонстрирует близость русского и болгарского народов, их языков и ментальностей.

Но так бывает далеко не всегда.

Так, в русской языковой картине мира *соль* символизирует то, что является самым существенным в чем-либо; придает особый смысл, интерес какому-либо делу, явлению: Соль в том, что имя преступника мы узнаем не в конце, а в самом начале — в заглавии [Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998), НКРЯ].

Это единственное символическое значение, которое отражено в анализируемом нами словаре. Оно основано на представлении о магических свойствах соли (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 205). В славянской культуре соль символизировала достаток и благополучие, а также воспринималась как мощное защитное, очистительное, продуцирующее и в то же время вредоносное магическое средство. Кроме того, соль ассоциировалась с умом, любовью и дружбой. Существовало множество правил, регулирующих обращение с солью. Соль использовалась в родильных, свадебных, поминальных обрядовых действиях, в любовной, лечебной и скотоводческой магии. С помощью соли, по славянским поверьям, можно было навести порчу — отсюда выражение *насолить кому-нибудь* (Славянские древности 2012: 113–119).

В болгарской части словаря у данного квазисимвола выделяется не один, а целых семь семантических слоев. Один из них соответствует русскому: «Символизира нещо много важно, много съществено. Дружбата е солта на живота» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 205). Остальные символические значения не имеют аналогов в русской лингвокультуре, по крайней мере, в настоящее время, ведь они, так же как и лексические значения, могут устаревать. Например, в болгарском языке есть фразеологизм *кълцам / чукам / трия сол на главата*. Его буквальный перевод — рубить / стучать / тереть соль на голове, а значение — ‘измъчвам някого с непрекъснати натяквания, укори, кавги, скандали’ (Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974: 552), по-русски — ‘мучить кого-то сплошными инсинуациями, упреками, ссорами, скандалами’. Подобным символическим значением в русской картине мира обладает не квазисимвол *соль*, а соль как артефакт, что выражается, например, в примете о просыпанной соли. Считается, что это предвещает ссору, разлад в супружеской жизни, несчастья (Славянские древности 2012: 113). Культурно-историческим основанием возникновения этого значения является тот факт, что соль в России была очень дорогим продуктом, одним из немногих, которые при натуральном типе хозяйства крестьянам приходилось покупать. Из-за поднятия налогов на соль в XVII веке устраивались соляные бунты. Ситуация с солью не изменилась и в XIX веке — приправа по-прежнему оставалась непомерно дорогой для простых людей. Показательно в этом плане стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Щи». У крестьянки умер сын. Барыня пришла проведать ее в день похорон и увидела, как женщина хлебает щи. Дворянка в душе возмутилась и решила, что простые люди отличаются грубостью чувств. «Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посолённые.

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево» (Тургенев 1967: 174).

Таким образом, в быту просыпанная соль ввиду ее высокой цены, действительно, могла вызвать ссору. Причинно-следственная связь, скорее всего, оказалась

настолько прочной, что соль стала ассоциироваться с разладом, упреками. Возможна и другая мотивировка возникновения символического значения соли как вещества. Поскольку соль использовалась в магических практиках, ворожбе, черных заговорах, ее просыпание, пусть и случайное, могло быть воспринято как элемент подобных действий и соответственно вызвать нарекания. Однако в русской языковой картине мира квазисимвол *соль*, обозначающий ругань, упреки, не сформировался.

Символические значения, выраженные фразеологизмами, также не всегда совпадают. Так, например, в обоих языках есть похожие фразеологизмы: русская устойчивая единица *хлеб-соль*, символизирующая гостеприимство, уважение, основную пищу, и болгарская *хляб и сол*, которая, имея подобные символические значения, является также знаком бедности, нищеты: «Дори да ям хляб и сол, / дори да тръгна бос и гол. / За теб, приятелю, ще платя / и най-високата цена [Емил Ангелов. Дори да ям хляб и сол]» (Перевод: Даже если я ем хлеб и соль, / Даже если я иду босой и нагой, / За тебя, мой друг, я заплачу / И самую высокую цену) (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 234). В русской картине мира *хлеб-соль* не является символом бедности, тем более нищеты: как мы писали выше, соль была весьма дорогой, а хлебом в течение короткого лета крестьянин должен был обеспечить себя на долгую зиму. В Болгарии лето длинное, зима короткая, земля плодородная, климат мягкий. Поэтому обеспечить себя разнообразными продуктами проще. Отсюда разница в символике фразеологизмов. Таким образом, в русской картине мира фразеологизм *хлеб-соль*, как и в болгарской (*хляб и сол*), является знаком обеспечения основных жизненных потребностей человека, однако для русского это мало, но достаточно, а для болгарина мало и недостаточно: «Символизира нещо основно, нещо малко, в малко количество. Хляб и сол готов обеда [Поговорка]. Дай ми днес хляб и сол, да чакам утре за печена кокошка. [Поговорка]. Формирането на тези значения идва от достъпността на солта и хляба» (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 235). Исходя из этого, можно сделать вывод, что формирование символического значения русского фразеологизма *хлеб-соль* ('основная пища') опирается на представление о том, что хлеб и соль являются основой питания человека, а формирование символического значения болгарского фразеологизма *хляб и сол* обусловлено доступностью хлеба и соли в Болгарии. Как показали недавние археологические исследования, город Провадия, находящийся в окрестностях Варны, был крупным центром солеварения на территории современной Болгарии. С древних времен (эпоха поздней бронзы, 4700–4200 гг. до н.э.) там в промышленных масштабах производилась каменная соль, что привело, по мнению ученых, к расцвету Варненской культуры. «Археологи подсчитали, что в год поселение, раскопанное около Провадии, могло производить до четырех-пяти тонн соли» (Малянов 2012). Кроме того, соль, но уже морская, путем выпаривания добывалась на побережье. В г. Поморие сохранились действующие до сих пор солеварни и даже есть единственный в Восточной Европе музей соли. Это свидетельствует о том, что жители тех мест с древних времен не испытывали недостатка в соли. Соль была доступным для простых людей продуктом. Этим обусловлена разница в символике близких по составу фразеологизмов двух славянских народов.

Кроме того, в болгарском языке фразеологизм *хляб и сол* является знаком того, что кто-либо или что-либо дополняют друг друга: Погаждат се като хляб и сол (буквальный перевод: Подходят как хлеб и соль) (Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 234). Формирование символического значения мотивировано, по мнению болгарских исследователей, тем, что в болгарской культуре часто встречается комбинация хлеба и соли. Хотя в русской гастрономической культуре подобное сочетание также не редкость, подобного символического значения русский фразеологизм не имеет.

Иногда отсутствие какого-либо символического значения обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как географические особенности рельефа. Как известно, большая часть европейской территории России находится в равнинной местности, а значительную часть территории Болгарии занимают горы. Этим, возможно, объясняется тот факт, что у квазисимвола *поле* в русской культуре есть значение 'воля', а в болгарской — нет (более подробно об этом см.: Русско-болгарский словарь квазисимволов 2021: 172). Поле и волю в русской лингвокультуре объединяет то, что оба понятия связаны в русском сознании с широким пространством, простором: В поле воля. В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково. Жить по воле, умереть в поле. Не верь ветру в поле, а жене в воле. Взяли волю: едем по всему полю (Даль 1957: 834, 835, 841, 842). Д.С. Лихачев отмечал, что «воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством» (Лихачев 1998: 476). А.Д. Шмелев писал: «Круг ассоциаций, которые возникли у слова *воля* и его производных, связан с широкими просторами, на которых можно делать, что душе угодно, поскольку нет каких бы то ни было законов и правил, стесняющих свободу <...>. Соответственно, и широкие просторы вызывают в сознании представление о воле, на котором можно разгуляться: ...Нашли большое поле — / Есть разгуляться где на воле (Михаил Лермонтов, Бородино)» (Шмелев 2018: 680).

В разделе словаря, где содержатся русские квазисимволы, не имеющие болгарских аналогов, представлены единицы, специфические для русской лингвокультуры, русской картины мира (*авось, авоська, баклуши, береза, первый блин, птица-тройка, щи* и др.).

Таким образом, «Русско-болгарский словарь квазисимволов» является результатом сравнительно-сопоставительного подхода к изучению языковых символов различных, хотя и близких, лингвокультур. Он представляет собой первый опыт лексикографического описания подобных единиц. И хотя в нем нашли отражение «иногда разные представления авторов на сущность символического значения» (Токарев 2021: 5), нельзя не отметить важность данного издания для развития сопоставительной лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1990: Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва, 1990.

Арутюнова 1999: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва, 1999.

Даль 1957: Даль В.И. Пословицы русского народа. Москва, 1957.